Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Ингрид Бенуа: «В нашей семье воспитание шло через искусство» | Ingrid Benois : « Dans notre famille l’éducation passait par les arts »

Auteur: Ксения Ноговицына, Берн , 01.06.2016.

Ингрид Бенуа (© K. Nogovitsyna/Nashagazeta.ch)

Представительница знаменитой творческой династии, потомки которой оказались

разбросанными по всему свету, живет, как выяснилось, в Берне и с удовольствием делится воспоминаниями о своей семье.

|

Un membre d’une illustre dynastie d’artistes, dont les descendants se trouvent dispersés dans le monde entier, habite à Berne et partage ses souvenirs.

Ingrid Benois : « Dans notre famille l’éducation passait par les arts »

Наследие французско-немецкого рода Бенуа, прославленного именами многих художников, архитекторов, скульпторов, музыкантов, актеров, стало неотъемлемой частью русской культуры. Революция и гражданская война, разрушившие старый мир до основанья, чтобы построить новый, раскололи эту мощную династию, разделив ее на тех, кто остался в большевистской России, и тех, кто вынужденно ее покинул. Потомки Бенуа сегодня живут в Петербурге, Риге и Париже, в Лондоне и Милане. Волею судеб Швейцария стала вторым домом для семьи Бенуа-Леви, потомков архитектора Зигфрида Леви (1850-1924) и дочери знаменитого петербургского скульптора Александра Леонтьевича Бенуа (1817-1875), Клары (1867-1956). В этом браке родились пять сыновей, из которых художественный дар унаследовал старший, Александр Бенуа ди Стетто, работавший в Женеве. (Как появилась «добавка» ди Стетто? Поясняем. Известно, что сразу после отъезда из России в 1922 году старшие братья, Александр и Евгений, подали прошение в коммуну фон Штеттен, выдавшей гражданство отцу и позже всем членам семьи, о перемене фамилии: с Леви на Бенуа фон Штеттен. Братьям было отказано, однако затем они направили второе прошение - о присвоении всем членам семьи фамилии матери, Бенуа, и на этот раз получили положительный ответ. Мотивом к перемене фамилии для начинающего художника Александра послужило желание избежать путаницы в артистической среде с его дядями, кузеном матери Александром Николаевичем Бенуа, и ее братом, Александром Александровичем Бенуа-Конским. Получив отказ от коммуны, он все-таки взял себе художественный псевдоним фон Штеттен, но уже в итальянском его варианте – «ди Стетто».)

Александр Бенуа ди Стетто. Автопортрет.

В Берне живет его племянница, дочь среднего из сыновей, Франсуа (1900-1957) — Ингрид Бенуа-Йост. Талантливая пианистка, Ингрид училась в Берне и Париже, на протяжении многих лет преподавала фортепиано в Педагогической Высшей школе Берна. Внешне похожая на старших братьев отца, Евгения и Александра, Ингрид в свои 79 лет искрится жизнелюбием, энергией и заразительно смеется. Носительница знаменитой фамилии бережно хранит память о семье, родителях, об ушедшей с ними эпохе. При общении с ней убеждаешься, что, несмотря на все испытания, выпавшие

на долю ее родителей, им удалось передать Ингрид, рожденной и всю жизнь прожившей в Швейцарии, дух русской культуры, в котором воспитывались они сами, и любовь к далекой и неведомой России, которую она узнала от них.

Наша Газета: Ингрид, как Ваша семья оказалась в Швейцарии?

Ингрид Бенуа: Мои родители родились в Петербурге. Однако мой дед по отцу, Зигфрид Леви, еще в юности приобрел дом в Швейцарии. Он был архитектором, учился в Германии и уже в 1871 получил первую должность у Готфрида Земпера (того самого, который построил Дрезденскую оперу) сначала в Цюрихе, потом в Вене. Благодаря этому он смог купить дом в Шаффхаузене, в коммуне фон Штеттен.

После переезда в Петербург дедушка работал в архитекторском бюро «Николя Бенуа и сыновья». Но в 1912 году серьезно заболел и должен был пройти лечение за границей — сначала в Германии, затем в Швейцарии. Когда началась революция и голод, бабушка решила уехать к нему с их пятью сыновьями. Они сложными путями на протяжении нескольких лет добирались к нему, но, к сожалению, нашли уже только его могилу – он умер в 1924 году в доме престарелых под Шаффхаузеном. Бабушка с младшими сыновьями переехала в Берн в 1930-е годы, и уже здесь они обустроились. Позже приехал сын дедушки от первого брака, Жорж. Он ухаживал за приемной матерью в последние ее годы жизни. Жорж, кстати, тоже был архитектором с великолепным образованием: он учился в Германии и Петербурге и выполнял реставрационные работы в Бернском соборе.

Мама, папа и Ингрид

Кто из семьи остался в Берне?

Бабушка Клара, Жорж, мой папа Франсуа, младшие братья Рене и Зигфрид. Старший брат Александр, художник, уехал в Женеву, Евгений, инженер – в Лозанну.

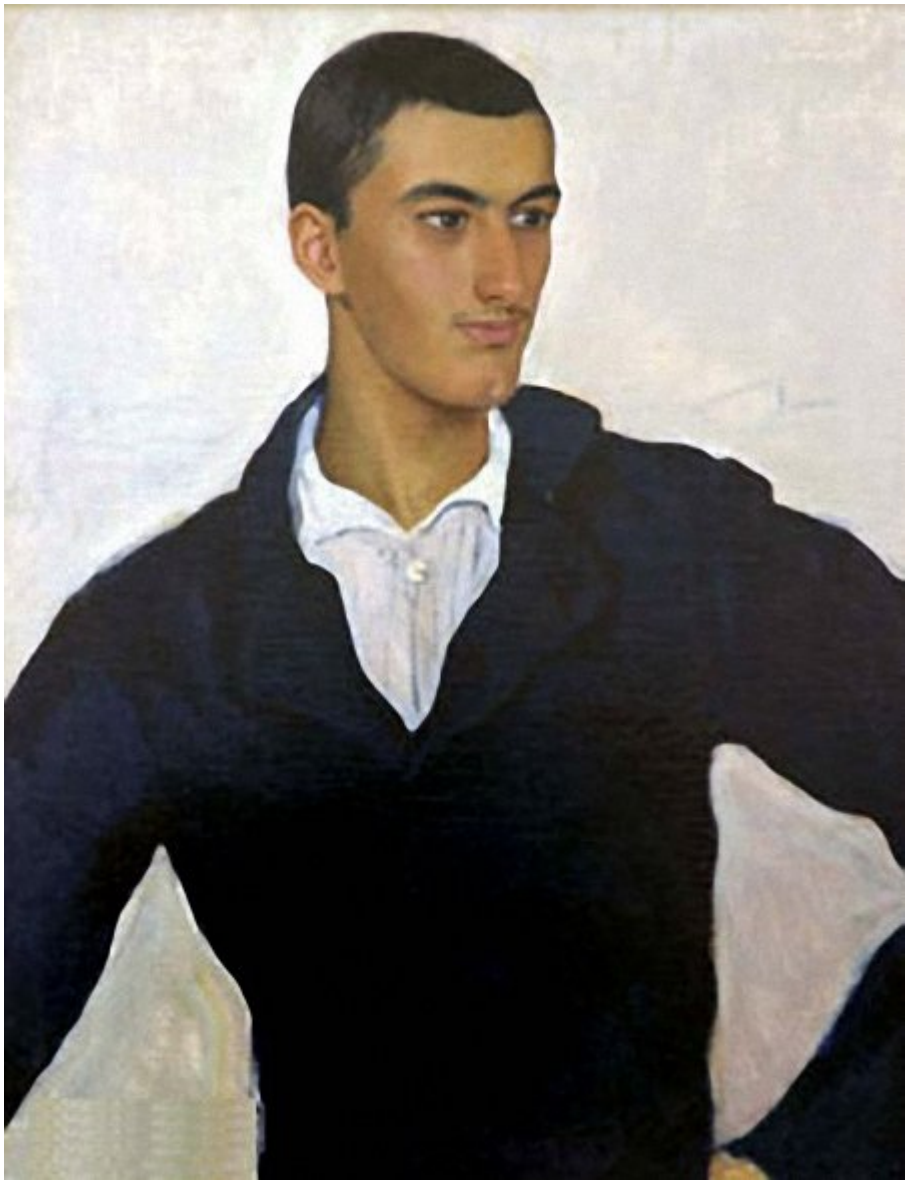
Папа в России не успел закончить образование, но прекрасно знал иностранные языки и поначалу устроился в Берне в книжный магазин. Однажды он отправился на каникулы в Эстонию, на море, и там познакомился с моей мамой, Цецилией Лемзаль. Уже потом выяснилось, что они когда-то учились в одной гимназии в Петербурге, хотя папа был на три года старше мамы, он родился в 1900 году. Потом папа привез маму в Берн, здесь они поженились, и родилась сначала я — в 1936 году, а через три года — мои сестры, близнецы Кира и Дагмар.

Из какой семьи происходит Ваша мама?

Мамин папа был знаменитым в Петербурге морским инженером, строил корабли. У него тоже было пятеро детей, мама была средней. Он построил для семьи дом под Петербургом, и там они все жили, оттуда мама ездила на учебу в гимназию. Но после революции большевики пытались заставить дедушку работать на них, и он решил вернуться в Таллинн. Мама хотела изучать медицину, но в послевоенное время в Таллинне это было невозможно, и она выучилась на дизайнера при швейной фабрике.

Что Вы знаете о семье отца? Перешли ли в Вашу семью какие-то традиции семьи Бенуа?

Когда я искала корни своей семьи в Петербурге, то познакомилась с одним из кузенов своего отца, Федором Францевичем Бенуа. Он рассказывал, что в семье нашего деда, Александра Леонтьевича Бенуа, и бабушки-немки Марии Фиксен (она была родом из Гамбурга), было принято по понедельникам говорить только по-русски, во вторник — по-французски, в среду — по-немецки. И если дети задавали вопросы на ненадлежащем в тот день языке, то родители им просто не отвечали.


З. Серебрякова. Портрет Евгения Бенуа.

Что касается нашей семьи, мы воспитывались в русской культуре, ходили в Берне в русскую церковь, а папа пел в церковном хоре на всех воскресных службах. Раз в неделю батюшка приходил к нам на обед. Они с женой жили в бедности, хотя русская община в Берне поддерживала его семью.

Папа был православным?

Да, а мама — лютеранкой.

Рассказывал ли Вам отец о жизни до революции?

Он очень много рассказывал, интереснейшие истории, но мы в юности, к сожалению, невнимательно их слушали (смеется). Меня из папиных рассказов больше всего удивляло, что все мальчики в русских семьях в раннем детстве носили платья.

Как родители пережили революцию?

Мамин отец, как я уже говорила, не захотел работать на советскую власть и бежал в Эстонию. Он переплыл Неву уже поздней осенью, после этого заболел туберкулезом

и вскоре умер. Из-за того, что он бежал, большевики арестовали его старшего сына. Мать с другими детьми должны были собраться в течение нескольких часов и покинуть страну: на перекладных, по замерзшей Неве, через Финский залив, они как-то сумели добраться до Таллинна.

Папина семья после революции осталась в России, но начался голод, и папа (ему было всего 18), чтобы выжить, уехал из Петербурга в деревню под Рязанью, работал учителем. Его старший брат Женя потом искал его, нашел, и они уехали в Сибирь, чтобы найти какую-то работу. Потом Женя вернулся к матери и братьям, чтобы всем вместе отправиться к отцу.

А как им жилось в эмиграции?

Поначалу трудно, мы жили совсем небогато. В Берне папа работал сначала в книжном магазине, потом устроился библиотекарем в налоговом отделе Федерального дворца. После его смерти мама жила фактически на его маленькую пенсию. Он не имел никакого доступа к финансам семьи Бенуа и мог рассчитывать исключительно на свои средства.

А мама не смогла найти работу в Берне?

Это было сложно, особенно тогда, когда родились я и потом мои сестры, Кира и Дагмар. В конце концов, ей пришлось шить военную форму, чтобы прокормить нас, дать нам образование.

Сестры Бенуа

Но Вы ведь все получили прекрасное образование, и притом — музыкальное!

Да, благодаря родителям. В нашей семье воспитание шло через искусство. Ценность имели не материальные блага, а образование. Мой отец почти сразу устроился статистом в Бернском городском театре, и я с детства участвовала вместе с ним в рождественских спектаклях. Мама хотела, чтобы мы обучались игре на инструментах, и папа купил для меня в комиссионном магазине недорогое пианино. Я помню, как мы засыпали под мамины русские и эстонские колыбельные — она пела их, аккомпанируя себе на пианино. Это было, пожалуй, самое яркое воспоминание первых лет жизни.

А где мама выучилась игре на фортепиано?

Еще в Петербурге, но, как я говорила, уже в 14 лет ей пришлось бежать с семьей из России. Мама всегда тянулась к искусству. Яркий момент, который я помню, как сейчас: наш первый поход на симфонический концерт в Казино Берна, мне было года четыре. Я сидела у нее на коленках и дирижировала. И я потом все время дирижировала, даже организовала оркестр в школе (смеется) — это была моя детская мечта. Все оперы и пьесы, что мы видели в театре, мы потом ставили дома с моими сестрами и друзьями — «Макбет», «Травиату». Кроме того, в Берне был клуб эмигрантов из России, и там ежегодно устраивалась рождественская елка. При клубе был балетмейстер, и на Рождество мы с моими сестрами, совсем еще маленькими девочками, танцевали в балете. Позже, когда мы уже начали заниматься на разных инструментах (я на фортепиано, Дагмар — на виолончели, Кира — на скрипке), мы играли трио. А папа играл в спектаклях по Гоголю, Чехову, которые ставили в клубе.

В книге «Бенуа Швейцарии», которую написал Ваш кузен Хуго Бенуа, упоминается интересная деталь: друзья называли Вашего папу Франсуа «Говорил Говорилович» за его веселый характер и способность увлечь аудиторию. Судя по Вашим рассказам, папа был наделен еще и драматическим даром?

Да, без сомнения! Наверное, у меня это от него: общительность, тяга к театру. Мне даже предложили играть Анну Франк в театре, потому что у меня была яркая еврейская внешность, но одновременно я получила стипендию на обучение фортепиано, и пришлось пожертвовать театром ради музыки.

Дома мы с сестрами постоянно давали камерные концерты. А на Рождество и Пасху непременно участвовали в праздниках, которые устраивал клуб эмигрантов. Каждый из участников приносил что-то к праздничному столу, мандарины украшали свечами, и я до сих пор помню этот аромат.

А кто шил костюмы для этих представлений?

Мама. Она знала дореволюционные моды и шила нам прекрасные длинные платья, матросские костюмы. А еще она всегда завязывала нам в косы огромные банты так, как это раньше делали в России.

А мама дома готовила русские блюда?

Да, конечно. Правда, с годами всё меньше, но спагетти у нас никогда не водилось

(смеется)! Папа, работая в Омске, переболел тифом и с тех пор мог кушать только маленькие порции. Я помню с детства, что мама готовила специально для папы, а он, поев, через час уже снова был голодным.

Кира и Ингрид (справа) на свадьбе Дагмар

Какие еще воспоминания Вы сохранили об отце?

Папа обожал кошек. Первый вопрос, который он задавал, входя в дом после работы – «Кошка дома?». Это мы слышали каждый вечер, укладываясь спать.

А папа поддерживал контакт со своим дядей, Александром Николаевичем Бенуа?

Да, но это трагическая история… Папа должен был передать Александру Николаевичу альбом об истории своей семьи, той ветви Бенуа, к которой мы принадлежим, и повез его в Париж. Он поехал на велосипеде, поскольку жили мы так бедно, что у него не было денег ни на поезд, ни на машину. Когда он приехал и зашел в дом, Александр Николаевич даже не спустился к нему в парадную, просто спросил с лестничной клетке седьмого этажа — кто Вы? Папа представился, но Бенуа не стал с ним общаться и велел оставить альбом внизу.

Вскоре после этой изнурительной поездки папа заболел (у него всегда было слабое сердце), и меньше чем через год умер…

Ваш дядя, Александр Бенуа ди Стетто, нарисовал Вас в восьмилетнем

возрасте, и этот портрет стал одной из самых известных его работ. Вы помните, как это было?

Александр, Шура, как его называли родители, бывал у нас постоянно, и рисовал портреты всех своих племянников. Я очень любила дядю, он был прекрасным человеком, мне всегда было с ним интересно, ведь он очень много знал. У папы была страсть к собиранию марок, а вот Шура был совсем другим — настоящим художником! И он любил нас, потому что своих детей у него не было.

Вы на этом портрете не по годам серьезны. Вы правда были такой в детстве?

Нет, совсем наоборот! Я была очень живым и веселым ребенком, у меня было много подружек, и маме приходилось подливать воду в суп, чтобы их всех накормить *(смеется).*

У нас в доме постоянно были гости, часто – эмигранты из Советского Союза, которые останавливались на пути в Америку и ночевали у нас на полу. Родители всех принимали, они были рады этим гостям, и я помню, как они собирались на родительской кухне, курили и ночи напролет говорили о России.

Мама с папой говорили дома по-русски?
Да, и я в детстве говорила по-русски, но мои сестры, хотя и понимали его, отвечать на русском уже не могли, и так постепенно мы теряли язык. Во время Второй мировой войны в Швейцарии преследовали коммунистов, и нам домой несколько раз звонили неизвестные. Мама с папой ведь говорили по-русски на улице, и это, видимо, услышали. Тогда родители приняли решение: больше ни слова по-русски, ни на улице, ни дома. Потом, когда родители заговорили на немецком (“hoch deutsch” — ред.), снова начались анонимные звонки, теперь уже по поводу того, что мы якобы «нацисты». Так постепенно вся семья вынуждена была говорить только по-швейцарски, хотя маме он давался тяжело. Уже позже, когда мне было лет шестнадцать, я самостоятельно решила, что непременно должна выучить русский язык и стала заниматься частным образом с преподавательницей. Когда она познакомилась с мамой, то призналась мне, что еще никогда не слышала такой красивой русской речи. Она посоветовала мне записать мамину речь и сохранить ее, как память о дореволюционном русском языке, ведь сейчас так уже не говорят!

Мама дожила до 93 лет, но даже в последние годы декламировала стихи на русском. Помню ее, передвигающуюся с помощью коляски и поющую русские песни.

Александр Бенуа ди Стетто. Ингрид.

Неужели мама, будучи эстонкой по национальности, хуже говорила по-эстонски, чем по-русски?

Да, это так — она очень любила русскую культуру и русский язык. Ей даже предлагали преподавать русский в посольстве, но она отказалась, может быть, потому, что не хотела работать на коммунистов, которые причинили ее семье столько зла.

Вам удалось побывать на родине родителей?

Да, впервые в 1990 году. В советское время мы не имели права вернуться в Советский Союз из-за этой истории с бегством маминой семьи. Единственный брат мамы, который остался в Союзе, как-то, будучи в Финляндии в командировке, успел тайком бросить в почтовый ящик письмо маме, указав ее последний таллиннский адрес, но оно дошло к нам в Берн только через 15 лет — благодаря швейцарской почте! Я тогда решила, что обязательно поеду. Когда началась перестройка, я нашла летние курсы русского в Ленинграде. Разумеется, я там была едва ли не самой старшей студенткой. В конце пятинедельного курса приехали и мои сестры. За время курсов я разыскала своих родственников по Бенуа в Ленинграде, а еще успела съездить в Таллин, где смогла найти всех, кто еще был жив из маминой семьи.

Мой кузен Федор Францевич Бенуа, которого я встретила в Ленинграде, был как две капли воды похож на папу: та же фигура, те же манеры, тот же великолепный русский. Он был композитором-любителем, а по профессии — инженером, преподавал в университете устройство дизельного двигателя. В тот первый приезд я узнала о том, что не за горами был 200-летний юбилей дома Бенуа (1994 — ред.), и

вновь поехала в Петербург, специально на торжества. Там я познакомилась со многими потомками Бенуа. Это было великолепное, запоминающееся событие!

искусство в Швейцарии

Source URL:
http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ingrid-benua-v-nashey-seme-vospitanie-shlo-cherez-iskusstvo